

MINI.CITID

ДОН ЖУАН, ИЛИ ЖЕЛ ЖУАН

В предыдущем номере я рассказывал о том, как мы сходили «в гости» к Мырзабековым. С тех пор одной из задач Кеншилик ага было «растворить мою обиду» – то есть пригласить меня домой в гости. Я в свою очередь при каждой возможности отказывался, находя всякие поводы. Правда, какой мне прок с этого? Каких только вкусных яств – казы-карта, жал, жая и других не довелось мне вкушать из нежных рук Зинуры женгей...

Правда, его приглашения отличались оригинальностью. Не знаю почему, но при каждой встрече с ним, во время беседы, неизменно звучало приглашение:

– Ты должен, как положено, отведать с нашего дастархана. Стыдно нам и перед келин.

Как-то в рабочий день, ближе к обеду он стал названивать:

– Улкаш, приезжай, куырдак и сто грамм ждут тебя.

Объясняю, что не получается съездить и вернуться. Издательских дел хватает, только успевай работать. Однажды он вновь позвонил.

– Вторая твоя женгей готовит куырдак, – проговорился он. Через несколько дней, вновь услышав о «второй», не выдержал:

– Кенке, доиграетесь. Зачем приводить ее в дом? Ведь это чревато последствиями. Перестаньте, – предупредил его.

– Чего мне бояться? Старшая твоя женгей днем на работе. Второй год младшая готовит обед. Ты тоже так сделай. Кайф, – продолжает он свое. Нам-то привычны его кривляния. Все это в его стиле.

Однако он быстро вышел из своей эйфории. Буквально через час после нашего телефонного диалога, я не узнал его:

– Улкаш, где Ираш? Ираш? Иранбека позови к телефону, – просил он дрожащим голосом.

– Что случилось?

– Случилось... Случилась неприятность. Никому не говори. Найди Ираша! Нужен Ираш! – голос у него был жалостливый.

Трубку телефона передал Иранбеку. Поговорив с другом, он изменился в лице:

– Твой ага «попался» с какой-то женщиной. Жена их застала. Подняла бучу, закатывает скандал. Нужно ехать, – тут же отпросившись у Саги Жиенбаева, поехал на выручку друга. Что было дальше, хотя и знаю все подробности последствия мырзабековского «кайфа», не буду пересказывать. Нюансы этой теперь уже забавной истории мастерски описал Иранбек в своей комедии «Жел Жуан»... Я лишь остановлюсь на одном фрагменте этой истории.

Отчаявшись помирить с женой уличенного друга, решившим поиграть в такого Дон-Жуана, Иранбек посоветовал его супруге на полном серьезе:

– Зинур, раз Кеншилик встречался с другой, то ты тоже отомсти ему. Найди для встреч мужчину, – сказал он.

Сильно растерявшийся муж исторг жалобным голосом:

– Ираш-ай, пожалуйста, не учи этому, такие советы ей не давай.

Охваченная обидой и ревностью, переросших в злобу, Зинур и не думала мириться. Скандал усугублялся, принимая разрушительный оборот.

Тогда Иранбек с Кеншиликом, продумав очередной ход, пошли к поэту Шомишбаю Сариеву, соседу Мырзабековых по дому:

– Шоке, ты уже слышал о том, что Кеншилика поймали с любовницей. Если все это не возьмешь на себя, то они разведутся.

Добродушный поэт ответил:

– Ладно, если надо так надо, только нужно мою Жумагуль предупредить об этом. Иначе быть беде.

Затем Шомишбай, уговорив свою жену, приступил к операции «Спасти Кеншилика». Два поэта в наэлектризованной атмосфере возможного развода начинают объяснять ситуацию. Шомишбай признается злой, раскрасневшейся до корней волос, Зинур в «содеянном». «Эта девушка – моя любовница. Я ее привел к вам домой. Кеншилик здесь абсолютно не причем. Я пошел за водкой, в этот момент ты зашла в дом, подняла шум», – так шаг за шагом он начинает убеждать женщину. На глазах у своей жены Жумагуль он делает из Кеншилика почти святого: светлее воды, белее молока. Взяв все грехи на себя, Шомишбай клятвенно убеждает Зинур в непорочности ее мужа. Поверив Шоке, женщина меняет гнев на милость. Расстилает дастархан, по чуть-чуть отмечают мировую. Но после привычных ста граммов «святой» Кеншилик, забыв о бдительности, вдруг выдает:

– Вот Шомишбай, сколько бы девушек не приводил домой, ни разу не поймался. Я всего один раз в жизни, и такая буча поднялась, – так «честный» поэт испортил все. Теперь уже этот случай в семье Мырзабековых выглядел заурядной супружеской ссорой, поскольку разразился более масштабный скандал, сразу на два дома. Две женщины вновь встали на защиту своей поруганной чести. Оба шанырака были близки к потрясениям.

Спасая друга, Шомишбай на свою голову придумал проблемы. Но все же, хоть и с трудом, он выкарабкался из этой пренеприятной истории.

ШУТКА

Я закончил учебу, устроился на работу. Был вдобавок еще холост. Однажды из Кызылорды приехал поэт Иранбек Оразбаев. Мы с ним пошли в гости к его земляку. Возвращаемся поздно. Светлая алматинская ночь. Лето. Намерены на более оживленной улице поймать такси. Я предлагаю ему поехать на мою съемную квартиру в Горный Гигант, он приглашает меня в свой номер в гостинице «Алматы».

Иранбек вдруг говорит:

– Ни к тебе, ни ко мне, рядом дом Кеншилика. Заночуем у него.

– Не поеду, – отрезал я.

– Твоя комнатка тесная, одна постель. Ко мне могут не пустить постороннего. Завтра выходной. Зачем нам расставаться сегодня, когда под боком дом друга? Чем попусту болтаться туда-сюда...

Был вынужден согласиться. Однако душа протестует.

Иранбек, оказалось, знает номер его квартиры. На уверенный звонок, выдержав паузу, с той стороны двери раздался голос Кеншилика.

– Кто это?

– Мы, открывай, – ответил Иранбек. Открылась дверь. Зал оказался свободным. Мы расселись: я на диване, Иранбек в кресле. Заметно по растрепанному и недовольному лицу хозяина квартиры, что он еще не до конца проснулся.

– Что за ночные хождения? – спросил он недоуменно. Иранбек объясняет:

– Мы идем с гостей. Решили у тебя заночевать.

– Вы не смотрите на время? Три часа ночи. Кто приходит в полночь в гости?

– Мы ведь пришли не к чужому человеку. Ты наш друг.

– Нет. Вы пришли проверить меня на «вшивость». Именно тогда, когда дома нет водки. Зная об этом...

– Кеншилик, кто от тебя требует водки?

– Если не требуете сейчас, потребуете позже. Зинура спит. Будить нельзя, ей утром рано на работу. Кто вас накормит?

– Не буди ее. Кушать не будем, сыты... с гостей. Нам только переночевать. Приляжем в этой комнате, не надо беспокоиться.

– Кто приходит так? В полночь, в такое время? Эй, посмотрите на часы. Три! Три часа ночи. Вы пришли с неким намерением...

– Кенке, ведь мы друзья детства. Мы к тебе, как к другу. О каких намерениях ты говоришь? Мы зашли по-свойски. Ничего нам от тебя не нужно. Или ты не друг наш? Если так, то скажи.

– Друг, конечно, друг. Однако, Ираш, если друг, то почему бы не зайти к нам днем? Этот визит ваш не похож на дружеский...

– Кеншилик, разве дружба – понятие не круглосуточное? Или мы друзья только днем, а ночью не друзья?

– От неожиданно логичного вопроса Кеншилик замолчал, не нашелся с ответом.

– Ладно, Иранбек, скажем, прав. Улугбек, а ты причем? – повернулся он ко мне всем телом. Меня итак привели сюда силком, я разозлился и выскочил из дома. Тотчас за мной вылетел Иранбек. Оба задыхались от обиды. Когда спустились на первый этаж и вышли во двор, то на балконе в одних трусах стоял Кеншилик:

– Иранбек, Улугбек, вернитесь! Я пошутил, возвращайтесь! – орал он во все горло. Мы даже не обернулись. – Не понимаете шуток? – отдавались эхом его слова. Шутку не поняли. Разве можно так шутить в три часа ночи?...

Кто знает, если бы он так пошутил днем, может быть, мы бы поняли его юмор?...

ЖУРНАЛИСТ НОМЕР ОДИН

В восьмидесятых годах Кеншилик работал в газете «Қазақ әдебиеті». Здесь так же, как и в предыдущих изданиях – «Жетісу», «Социалистік Қазақстан», он продолжает писать объемные художественные очерки, большие эссе. Нередко на зависть другим журналистам пишет материалы в жанре белых стихов. Язык его письма сочен, регулярно один за другим выходят его богатые на яркие образы и чувства материалы. Читающая публика неизменно отмечает его талант.

– У Кеншилика Мырзабекова проза заметно сильнее его стихов, – похвалил, оказывается, его как-то сатирик Копен Амирбеков.

После собрания Копен, уверенный в том, что Кеншилик доволен его похвалой, хотел пожать ему руку. Но не тут-то было, он увидел готового лопнуть от злости коллегу.

– Ей, Копен, почему ты принижаешь мой поэтический дар? По-твоему, я не поэт?! – набросился на него Кеншилик. Растерявшийся сатирик, поспешно найдя новые «аргументы» в пользу его таланта, еле унес ноги.

Однако привыкший к таким похвалам Кеншилик на одном застолье в рабочее время был традиционно на виду, бодр и спокоен.

– На работе тебя не ищут? Если заметят выпившим, ведь могут уволить, – сказал один уважаемый человек из его окружения.

– Нет, я хмельным не показываюсь на людях. Могу и не пойти на работу,
– ответил Кеншилик вальяжно, показывая всем своим видом, что ему море по колено.

– Почему?

– Я даже говорю иногда что «увольюсь», но шеф не отпускает. Потому что в газете «Қазақ әдебиеті» я журналист номер один. Поэтому и самый востребованный человек. В общем, я самый лучший! – заключил он без тени сомнения.

Тогда один его коллега, разогревая интригу, подлил масла в огонь:

– Если ты самый востребованный, то напиши-ка заявление об увольнении, проверим. Увлеченный словопрением, Кеншилик тут же написал заявление на имя главного редактора издания.

В пятницу, когда он не спеша пришел на работу, в кабинете главреда шло собрание. Он вошел, извинившись за опоздание, и только было собрался сесть, как главный редактор Шерхан Муртаза сказал:

– Господин Кеншилик Мырзабеков, согласно поданному вами заявлению, вы уволены двумя днями ранее, а сейчас свободны.

Об этом я услышал от Копена Амирбекова.

... Иногда мне чудится, будто Кеншилик ага внезапно появится на одном из алматинских переулков и скажет: «Улкаш, загляни-ка к нам домой...».

И тогда вспоминается его предупреждение: «Сегодня отказался от приглашения, завтра пожалеешь об этом»...

Улугбек ЕСДАУЛЕТ, поэт